

Ямщиков: Георгий Степанович, кто вам помог состояться в жизни?

Жженов: Прежде всего, конечно, мать. Когда-то я не понимал эту простую истину. А сейчас без всяких сомнений говорю: мама. Она была почти безграмотным человеком. Какие знания могли дать более ста лет назад в двух классах сельской школы? Но я уверен, что моя мама с ее интеллектом и врожденным художественным чутьем могла бы успешно заменить министра культуры.

Я всегда восхищался мхатовскими стариками: Алексеем Николаевичем Грибовым, Виктором Яковлевичем Станицыным, Борисом Николаевичем Ливановым. Мне посчастливилось найти с ними общий язык, и мы сдружились. МХАТ я считаю своим театральным храмом. И вообще, главное место в моей профессиональной судьбе принадлежит театру. «Пюнохав пороха» в кинематографе в начале 30-х, я понял: хочешь познать психологию человека, быть подлинным артистом - иди в театр. Там ты каждый день находишься в работе, в поиске. Репетиции, спектакли, размышления над текстами - все это помогает оставаться в хорошей творческой форме. Поэтому, уже снявшись в фильмах «Чапаев», «Комсомольск», я не успокоился и не стал почивать на лаврах, а подал документы в Театр юного зрителя. Выдержал экзамен и был зачислен в труппу. Но приступить к репетициям не успел. В 1938 году меня арестовали и посадили, как тогда шутили, всерьез и надолго. Первая возможность уцепиться за любимую профессию появилась лишь спустя годы на Колыме. Тогда я ухитрился ценой невероятных усилий попасть сначала в концертную бригаду, а потом в театральную труппу в Магадане. Это был первый в моей жизни театр. Я там учился у Шуцаева и Варпаховского - наших славных театральные деятелей и таких же, как и я, заключенных. С тех пор я уже ни дня без театра не мыслил!

С. Я.: Так сложилось, что все мои университетские преподаватели пришли в аудитории после тюрем и лагерей. Однако ни Лев Николаевич Гумилев, ни Николай Петрович Сычев, ни Леонид Алексеевич Творогов, отсидевшие по «двадцатке», никогда, даже в самой дружеской, неформальной обстановке не рассказывали о лагерных ужасах. Гумилева я как-то спросил, почему он не напишет книгу о своей лагерной жизни? Он ответил: «Савва, мне надо успеть завершить научные труды. К тому же, если я начну писать про лагерь, придется все заново пережить. Мне это не под силу». Я тогда им удивлялся: какой же внутренний стержень должен быть в характере человека, чтобы, пройдя через гулаговскую Голгофу, не озлобиться, не утратить способность любить, жалеть, желать...

Г. Ж.: Я всегда старался находить в людях что-то чистое, благородное. Это мне и хотелось показать в своих работах в кино, на сцене или за письменным столом. Если присмотреться, что-то хорошее найдешь и в самых опустившихся личностях. Казалось бы, что хорошего или хотя бы достойного жалости можно было найти в оперуполномоченном, который у меня на глазах угонял на смерть моего друга? Однако и в этом человеке жило что-то доброе - где-то в глубине его оледенелой души. Это я попытался передать в своем рассказе «Саночки»...

Во всех людях есть и благородное, и непотребное. И в зависимости от внешних обстоятельств мы проявляем себя с той или с другой стороны. Поэтому какую бы роль мне ни давали, какого бы врага играть ни приходилось, в итоге он выходил у меня сложным, а то и положительным персонажем. Конкретный пример: фильм «Журавушка». Положительного героя-коммуниста играл молодой Джигарханян, а я - его антагониста, священника отца Леонида. Что ж в результате? Правда моей роли бы-

Потеря Георгия Жженова невосполнима для нашего общества. Он был примером того, что можно и нужно оставаться на нравственной высоте вопреки всем, порой трагическим, обстоятельствам жизни.

Поначалу ничто не предвещало драмы в судьбе выпускника акробатического отделения Ленинградского эстрадно-циркового училища, ученика Сергея Герасимова, уже снявшегося в таких знаменитых фильмах, как «Чапаев» и «Комсомольск». Однако 23-летнего актера по надуманному обвинению арестовали как «врага народа». Последующие 16 лет он провел в тюрьмах, лагерях и ссылке. Лишь в мае 1954 года его полностью реабилитировали. С тех пор на театральной сцене Георгий Степанович сыграл свыше ста ролей, снялся в восьмидесяти кинокартинах. Среди них - «Берегись автомобиля», «Конец «Сатурна», «Ошибка резидента», «Горячий снег», «Экипаж»... Особенно актеру удавались волевые характеры, в основе которых доброта, мужество и тяга к справедливости.

Незадолго до кончины Георгия Жженова с ним беседовал его давний друг - известный художник-реставратор Савва ЯМЩИКОВ. Так и получилось, что это интервью стало одним из последних в жизни артиста...

Георгий ЖЖЕНОВ:

АКТЕРСКОМУ МАСТЕРСТВУ Я УЧИЛСЯ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

ла настолько убедительной, что чиновники запретили в таком виде показывать фильм. Пришлось все переосмыслить...

Еще пример. В Театре имени Ленсовета Игорь Владимиров ставил пьесу Лазаря Карелина «Микрорайон». Я играю вора, а в роли комсомольского вожака актер, известный по кино как стопроцентно положительный персонаж. И получилось, что моего вора встречали аплодисментами, а того, положительного, - молчанием. Моя актерская правда победила надуманную правду тогдашнего общественного мнения. Или взять сериал о резиденте. Ну как можно положительно относиться к шпиону-эмигранту? А у меня за ту роль вся грудь в наградах. Советские зрители приняли моего графа Тульева как самого настоящего героя.

В процессе работы главным для меня был и остается некий положительный посыл моему зрителю и читателю.

С. Я.: Вы жалеете о чем-либо не осуществившемся?

Г. Ж.: Конечно. Снимался я много, но мне не очень везло на хороших режиссеров. Эльдар Рязанов, которого я очень ценю, - исключение. Жалею, что не снялся в фильмах «Последний дюйм», «Родная кровь», «Три тополя на Плющихе», где должен был играть главные роли. Многие годы мечтал

сыграть Льва Толстого. И когда Юрий Завадский пригласил меня на эту роль в Театр Моссовета, я, ленинградец, скрепя сердце, переехал в Москву. Софью Андреевну должна была играть Вера Марецкая, что меня очень радовало. Но тогдашний министр культуры Фурцева пьесу запретила.

Толстой - это такая глыба! Когда я узнал, что мой учитель Сергей Герасимов собирается ставить фильм про писателя, я воспользовался каким-то знаменательным днем в жизни Тамары Макаровой и написал ей письмо с поздравлениями. И дальше приписал: «Тамарушка, если по каким-либо причинам Сергей Аполлинариевич сочтет, что ему не следует играть графа Льва Николаевича Толстого, скажите ему, что эта роль - единственная моя актерская мечта в жизни». Герасимов тогда даже обиделся на меня. А в наши дни я не могу найти для себя роли, подходящей по размаху и накалу страстей.

С. Я.: Я вас хорошо понимаю. Сейчас и в литературе, и в драматургии так не хватает подлинно талантливого. Но уж если появляется что-то... Знаете, как всколыхнула женщин-актрис недавно появившаяся повесть Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»? Сюжет переключается с «Ворошиловским стрелком»,

только там дед мстит за внука, а тут мать уничтожает торговца овощами, обидчика своей 16-летней дочери. Меня просила похлопотать за эту роль перед писателем Люся Мальцева, но Валентин Григорьевич ответил: «Я ее очень люблю как актрису, но мне уже звонила Людмила Зайцева, она тоже хочет сыграть этот образ». Что и говорить, изголодались актеры по настоящему материалу. И я понимаю, как вам хочется сыграть Льва Николаевича. Хоть и ерничает с телеэкрана на всю страну чиновник-шоумен Швыдкой, что «Пушкин устарел», а все равно обращаться приходится к Пушкину, Толстому, Достоевскому.

Г. Ж.: К сожалению, сейчас у нас в большой чести чернуха. Распространены недоучки, спекулянты от бизнеса в одночасье сделали себе деньги, а превратившись в олигархов, стали диктовать свои вкусы обществу. Возьмите телевизионные передачи - кого они обслуживают? Чьи умы? Именно этих людей. И вообще, мне не нравится то, что происходит у нас с искусством. Смотрите, как нахально там прикормилось все то, что раньше законно презирали: низкопробная эстрада и разная развлекаловка. Ведь еще не так давно ценились балет, опера, драматический театр. Тогда эстрадники шутили:

нам не завидуйте, мы большие деньги при жизни получаем, зато у вас почести огромные посмертно. А теперь и большие деньги, и почести - у шоуменов. Когда-то Америка позаимствовала у нас драматический жанр, систему Станиславского, школу мхатовских актеров. А теперь нас принуждают потреблять макулатуру, которой Америка замусорила весь мир.

С. Я.: В отличие от нас Европа активно и успешно борется с американским влиянием, законодательно отстаивая национальную культуру своих стран. И в последние годы ситуация в Европе заметно улучшилась. А у нас на все лады восхваление вернисажа очередного американского «новатора». Художник, как правило, третьеразрядный, но с рекламой все в порядке. При этом свое искусство не замечает или оплевывается. Не так давно прошел юбилей замечательного художника Аркадия Пластова. Открыли выставку - по телевизору ни слова. А в газетах все больше ругательное: он-де по блату писал. Или выставка к юбилею покойного моего друга прекрасного скульптора Олега Комова. Опять ни слова ни в одной телепрограмме. Чтобы в Академии художеств открывалась выставка - и ни слова? Зато сколько шума вокруг какого-то скандального левака. И так же в театре, в кино.

Г. Ж.: Увы. Быть оптимистом в оценке нашего искусства становится все труднее. Но я верю в наш народ - талантливый и добрый. Рано или поздно он во всем разберется и сделает правильный выбор.

ПОСЛЕСЛОВИЕ:

Савва ЯМЩИКОВ: Терять близкого тебе по духу человека всегда тяжело, но особенно страшно расставаться с другом. Последний раз мы с Жженовым виделись перед тем, как он лег в больницу с переломом шейки бедра. В последние годы после этой тяжелой травмы из известных людей, кажется, только Михалков-старший сумел выкарабкаться. Но все мы, друзья Жженова, надеялись, что и он поправится. Уж больно сильный духом мужик был...

Георгий Степанович принадлежал к плеяде тех актеров, без которых трудно представить нашу эпоху. Андреев, Крючков, Стриженов, Урбанский, Жженов, Баталов - без них наше кино не состоялось бы таким значительным. С Георгием Степановичем мы познакомились шесть лет назад. Нас сблизили общие переживания и боль за ту трагическую участь, которая выпала на долю России в последнее двадцатилетие. Я сразу же почувствовал, каким открытым, советским и принципиальным человеком он был. Казалось, его ничуть не сломили те круги ада, через которые он прошел в ГУЛАГе. Он не обозлился и не превратился в пустопорожнего мстителя. Вернувшись после полной и безоговорочной реабилитации, Жженов в театре и в кино как бы прожил жизнь за всех тех, кого страшные сталинские застенки не выпустили живыми на волю. Странное дело, мне все время казалось, что Георгий Степанович, несмотря на его преклонный возраст, намного моложе меня и моих сверстников. Помню нашу поездку двухлетней давности в Псков на торжества в честь 1100-летия этого древнейшего города. В нашей делегации были кинооператор Вадим Юсов, великий спортсмен Вячеслав Старшинов, блистательный кинодокументалист Виктор Правдюк, зампред Совета Федерации Михаил Николаев. Как ни странно, именно Жженов был заводилой компании. Никогда не забуду, как замирал зал, когда он рассказывал о своей жизни, читал стихи. Его лицо было открытым, светлым. Это было лицо России. Не могу поверить, что он от нас ушел. Вечная тебе память, Георгий Степанович!

**Подготовил
Анатолий СТАРОДУБЕЦ**